

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1 Стр. 241 - 246.

Панихида кончилась. Последний стройный и печальный аккорд "вечной памяти" растаял в мягком воздухе. Четверо факельщиков с красными опухшими лицами, в засаленных мантиях подошли к белому глазетовому гробу и начали суетливо обвязывать его веревками.

Присутствующие молча глядели на их сосредоточенную и молчаливую работу, изредка прерываемую замечаниями, произносимыми отрывисто и вполголоса:

-- Заходите с той стороны. Вот так. Легче, легче... Тяни конец на себя... ну, разом. Навались!

Веревки вытягивались и скрипели от тяжести дубового гроба. Факельщики с преувеличенно напряженными лицами топтались вокруг зияющей ямы, сырой, глубокой и страшной. Блестящий белый гроб медленно опускался в могилу, исчезая постепенно из глаз...

Потом факельщики выпростили веревки и отошли в сторону... Священник взял заступ и бросил в могилу грудку земли, которая глухо и грузно ударилась об крышку гроба... Присутствующие с боязливым любопытством приблизились и заглянули в страшную яму... Каждый взял в руки по горсточке земли и бросил в могилу. Женщины тихо и прилично плакали, закрыв глаза кружевными платками.

В стороне, шагах в пяти от могилы, стоял господин средних лет в трауре с длинными седеющими волосами... Ни во время панихиды, ни во время тяжелой сцены засыпания могилы он ни разу не шевельнулся, не приподнял низко опущенной головы...

При взгляде на него казалось, что он об чем-то глубоко задумался или старается припомнить что-то забытое и очень важное... Но странное производили впечатление эти глаза, неподвижно устремленные в одну точку и ничего не видящие, эта глубокая, суровая складка, неожиданно за две ночи прорезавшаяся между бровями... По той любопытной и осторожной внимательности, с какой приглашенные на похороны относились к господину в трауре, можно было заключить, что после покойницы в белом глазетовом гробу он является вторым лицом в мрачной церемонии погребения.

-- Это что ж? Брат, что ли, ейный или муж? -- слышалось в толпе зрителей, больше всего, конечно, женщин, собравшихся на кладбище благодаря празднику и светлому весеннему дню.

-- Муж, говорят. Очень уж он покойницу любил. Душа в душу, говорят, жили...

-- Ишь ты... Чего же он стоит, словно идол какой бесчувственный?.. Хоть бы поголосил маленько... А то стал и стоит...

-- Много ты понимаешь... Видишь, окостенел человек... Он теперь, значит, вроде как спит... Ты ему хоть из пушки стреляй -- не услышит...

-- Тес!.. Скажите...

А господин в трауре действительно окостенел... Все привычки обыденной жизни не утратили, по-видимому, над ним своей давнишней силы... Всю эту ужасную неделю он с прежней методической аккуратностью исполнял тысячи давно заведенных жизненных мелочей... Но в его душе, в его нравственной жизни произошло какое-то странное оскудение, точно в сложном механизме, где целы и хорошо действуют все части и пружины и только одно самое главное колесо отказывается вертеться, потому что у него стерлись зубцы... Он ясно помнил тот ужасный момент, когда она сидела в глубоком кресле, вся обложенная подушками, а он стоял, нагнувшись над ней, и нажимал большой гуттаперчевый мешок с кислородом. В комнате пахло едким запахом какой-то красной микстуры и еще чем-то тяжелым и ужасным, чему он избегал дать настоящее название. При каждом дыхании ее голова то поднималась, то опять падала на грудь, глаза с неестественно громадными зрачками, влажные и блестящие, блуждали бессмысленно и в то же время тоскливо... Порой она вся вздрагивала, телом и руками, точно подстреленная насмерть птица...

А затем? Затем именно и наступило то состояние, когда в его душе что-то окаменело и перестало действовать. Если бы его спросили: "Что с вашей женой?" -- он отвечал бы: "Она была больна чахоткой, умерла, и теперь ее хоронят". Но сам он, в глубине своей души, не только не верил тому, что жена умерла, -- он отлично знал, что она жива. В то же время он что-то важное позабыл, и благодаря этому пропала внутренняя связь между ним и тем, что вокруг него делалось.

Маня лежала на столе в белом платье со строгим лицом, точно из матового воска, а над ней стоял незнакомый мужчина в коричневом пальто с оборванными кантиками на рукавах и что-то быстро в нос читал, растягивая и повышая на полтона концы фраз. "Что он читает? -- начинал туго, с ощущением боли в голове, соображать Барсов.-- Что он читает? "Умянуща словесо их паче елея и ти суть стрелы". Ах да,